

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

37. Mārūn Guṣn. Ал-луга ал-'аммийа. اللغة العامية وموتها. حياة اللغات وموتها. 8° стр. 56 + 9. Бейрут 1925.

38. Mārūn Guṣn. Фй митлӯ хал-китāб? الجزء الاول. في متلو هلكتاب. 16° стр. 80. Бейрут 1925.

С повышением литературного уровня в арабских странах все более обостряется вопрос об отношении литературного языка к разговорному. Отношения эти складывались столетиями, определялись очень сложным комплексом условий общественно-культурной жизни; вероятно и в дальнейшем они будут определяться самой жизнью, а не теоретическими построениями, но понятно, что с усилением национального самосознания такие попытки теоретических построений делаются все более частыми. Едва ли, конечно, можно считать нормальным тот факт, что литературный язык народа является непонятным для громадного большинства населения без специальной школьной подготовки и что на ряду с этим единым литературным языком существует целый ряд диалектов сильно от него отличающихся, но служащих единственным орудием устного общения. Однако, от признания этого факта до открытия средств к изменению существующего положения еще далеко, и едва ли предлагаемые теперь средства сразу найдут всеобщее признание.

Наличие серьезного движения здесь доказывается тем, что за последнее время особенно учащаются попытки подойти к решению этого вопроса. Во главе движения стоят, конечно, Египет и Сирия — страны, руководящие духовной жизнью арабского мира. В Египте вопрос решается обыкновенно практически — попытками писать литературные произведения на диалекте. Эти попытки заходят очень далеко — к 80 годам прошлого

века и даже раньше, но за последние 20 лет они приобрели большую сознательность с провозглашением принципа «*тамсър ал-луа*» (= египтизация языка). Считать это движение принявшим широкие размеры нельзя; ¹ показательно, что новеллист Махмуд Теймūr, начавший свою деятельность по примеру рано умершего брата-драматурга произведениями с сильным налетом разговорного диалекта, в последних изданиях обращается снова к обще-литературному языку.² В Сирии, помимо аналогичных попыток поднятия диалекта до уровня литературного языка, которые особенно определенно сказывались среди колонии арабских эмигрантов в Америке, за последние годы можно насчитать несколько опытов теоретического освещения вопроса. К Арабской Академии Наук была обращена со стороны Министерства Народного Просвещения просьба высказаться о средствах к большему распространению литературного языка для постепенного его внедрения вместо разговорного. Академия Наук высказалась отрицательно о возможности этого, указав лишь на несколько частичных приемов для уничтожения известной «вульгарности» в разговорном языке.³

Защитником обратной идеи — о необходимости замены литературного языка разговорным — выступил с большой энергией долголетний преподаватель бейрутских школ и писатель Мārūn Гуṣн.⁴ Однако и его книжку приходится считать только освещением, но не разрешением вопроса. Во многом автор прав, но еще чаще, устанавливая верно факт, он считает, что этим самым найдено средство к его изменению.

Его основная идея та, что арабский разговорный язык постепенно прогрессирует и путем последовательных изменений со временем займет место литературного (стр. 3). В эту категорическую формулировку в конце книжки вносится некоторая модификация: цель автора не уничтожить литературный язык, а добиться признания за разговорным права появляться в мире литературы (стр. 37). Едва ли для этой задачи, уже решенной самой жизнью, требовалась бы столь большая доля эмоционального элемента, которая чувствуется в брошюре; автор несомненно смотрит дальше и неудобство появления обилия различных диалектов в литературе при переходе

¹ О характере и оживленности полемики по этому вопросу можно судить по статьям Ш. Арслāна и М. ар-Рāфи'и в книге последнего *تحت رآية القرآن*. Каир, 1926.

² Убедленным сторонником перехода на египетский диалект является между прочим известный деятель Египта и Месопотамии инженер W. Willcocks. См. интервью с ним в журнале *الهلال*, том XXIV, 1926, 1074—1077 и его статью: Syria, Egypt, north Africa and Malta speak punic not arabic (Bulletin de l'Institut d'Egypte, tome VIII, 1926, p. 99—115).

³ Подробности об этом с ответом Академии, основанном на детальном отзыве ал-Магриби, см. в *Revue de l'Académie Arabe*, т. III, 1923, 231—238.

⁴ О его литературной биографии и истории реферируемой книжки, вызвавшей полемику еще в момент печатания, см. *ал-Маширик* — XXIII, 1925, 167 и 172—173.

на разговорный язык он ослабляет указанием на возможность сохранения литературного языка в качестве вспомогательного (стр. 16).

Главные тезисы его работы намечены систематично и в них чувствуется известный педагогический навык (стр. 4—5). В первой части он собирается исследовать вопрос о том, что 1) всякий язык неизбежно идет к исчезновению, что 2) всякий разговорный язык превращается в литературный при условии, если говорящий на нем народ доходит до высшей степени цивилизации, что 3) литературный язык так же прогрессирует с прогрессом цивилизации, но не может соперничать с разговорным. Во второй части он разбирает возражения против возможности поднятия разговорного языка до уровня литературного и приводит в пример 23 языка, испытавших ту же судьбу. В заключение брошюры даны правила письма на разговорном языке (стр. 47—52).

Автор орудует иногда с очень неопределенными терминами, почему и в его формулировке чувствуется известная неясность. Ближайшее толкование термина «исчезновение» (стр. 6) показывает, что под ним понимаются такие изменения в языке, которые отводят его настолько далеко от родоначальника, что эти стадии можно считать отдельными языками, как например, латинский и французский. Едва ли под такую категорию можно подвести арабский литературный и разговорный языки: автор исходит из очень еще распространенного, но уже оставленного в науке представления о том, что разговорный арабский язык возник путем «порчи» из литературного (стр. 42). Не вполне точно определяет он и народный язык, как тот, на котором только говорят, но который не имеет литературы (стр. 8).

Доводы автора в пользу его тезисов иногда констатируют общеизвестные факты, иногда же случайны и не вполне обоснованы. Совершенно справедливо он говорит, что разница между литературным и разговорным языком велика (стр. 13—14), в противоположность мнению некоторых прежних ученых, или что литературный язык не представляет чего-либо неизменного, а прошел в своей истории разные стадии развития, для чего достаточно сравнить язык современной журнальной статьи с языком, например, *муаллақ* или вообще до исламской поэзии (стр. 15). Точно также, непосредственные наблюдения над арабским Востоком подтверждают его замечания о том, что лица даже воспитанные на литературном языке не могут писать на нем с той легкостью, как пишут другие, например, французы на своем родном языке (стр. 11 прим.). На ряду с этим не понятно, когда почти единственным доводом того, что литературный язык не может соперничать с разговорным, является свободное усвоение последним заимствованных слов, откуда бы они ни происходили, тогда как литературный не

может выработать для них своих выражений (стр. 10). История и современное положение литературного арабского языка говорит нам с полной определенностью, что он с такой же легкостью воспринимает всякие ино-родные элементы. Мало убедительными и не нужными для языковеда доводами эстетики звучат слова автора (стр. 20) о том, что сирийский диалект благозвучен и изящен, так как в нем звук *ḏ* заменяется *ḍ* и *z*, *ث* — *с* и *т*, *ق* — *'* и т. д. Едва ли так легко можно решить вопрос о религиозно-культурном моменте в случае замены литературного языка разговорным (стр. 17); пример Египта с резкой полемикой по поводу *тамсйр ал-луга* говорит о том, что с этим фактором при нынешнем состоянии арабского мира приходится очень и очень считаться.¹

Вторая часть брошюры, посвященная «превращению» 23 разговорных языков в литературные, будет вероятно не безинтересна для арабских читателей, но едва ли она может считаться подтверждением тезисов автора о необходимости замены современного литературного арабского языка разговорным. На основании, главным образом, энциклопедических словарей автор сообщает здесь ряд сведений по истории различных языков, при чем в большинстве случаев отмечаются лишь даты их первых письменных памятников. Случай вытеснения одним языком предшествовавшего ему неродственного, как например финским шведского в Финляндии, тоже едва ли можно сопоставлять с современным положением двух разновидностей арабского.²

Правила письма на сирийском разговорном языке, которые дает автор (стр. 47 — 52), часто переплетаются с правилами грамматики. Известная непоследовательность в них показывает, насколько трудно достичь систематичности, если пользоваться только арабским шрифтом без применения фонетической транскрипции. Основным принципом для письма М. Гусн считает полное совпадение между произношением и начертанием (стр. 47), указывая, что слово должно писаться так, как произносится. Следуя этому принципу, он имеющийся *тенвийн* считает нужным передавать через *ن* (стр. 49). С другой стороны, однако, *ل* определенного члена он предлагает в случае ассимиляции сохранять на письме (стр. 50); также он удерживает *ق*, «потому что большая часть жителей Сирии произносят его» (стр. 48).

Книжка заканчивается четырьмя образчиками на современном диалекте Сирии (стр. 53—56) арабским письмом, с соблюдением изложенных автором

¹ Мустафа ар-Рафи'и в заключение полемики по поводу *тамсйр ал-луга* заявил, что «египтизация» языка возможна будет только в том случае, когда совершится египтизация религии ислама. См. *تحت راية القرآن*, Каир, 1926, стр. 67.

² Автором первой грамматики русского разговорного языка называется (стр. 28) Лемповоф (повторено и в арабской транскрипции: *البمونسوف*).

правил. Эта часть тесно примыкает ко второй упомянутой в заголовке книжке, дающей выборки мелких и более крупных произведений автора на диалекте. Это издание является уже значительно более ценным для европейской науки с точки зрения диалектологии. Конечно, видеть в текстах отражение чисто-народного диалекта нельзя; это скорее нечто в роде того *кочвѣ*, на котором говорят между собой интеллигентные арабы в Сирии. В содержании местами сильно чувствуются школьные навыки и клерикальные тенденции автора, придающие известную искусственность и слащавость подбору материала. Но если отбросить эту сторону и подходить только с точки зрения языка, то, в смысле живости и сочности передачи, сборник М. Гусна можно поставить на одну доску с лучшим, что издано в этой области за последнее время как на Востоке (произведения Шукри Хурри),¹ так и на Западе (записи Bergsträsser'a² и Malinjoud).³ В интересах арабской диалектологии можно только пожелать, чтобы попытки автора в смысле литературной обработки живого говора продолжались. Европейская наука всегда относилась к аналогичным попыткам с неменьшим интересом, чем к записям народной речи: достаточно вспомнить про то внимание, которое было уделено обработкам М. 'О. Джалляла, хотя в смысле языка они значительно менее колоритны, чем произведения Ш. Хурри и М. Гусна.

Что же касается его теоретического построения, формулированного в первой брошюре, то с точки зрения языкознания оно может вызывать серьезные возражения. Материал, привлеченный автором, не склоняет читателя к выводу о том, что современный литературный язык уступит или должен уступить свое место разговорному, выдвигаемому как средство литературного общения. Теоретический анализ фактов может повести и к другим результатам: тонкие наблюдения не только лингвистического, но и социологического характера приводят Massignon'a к той мысли, что будущее арабского языка пойдет по линии адаптации городских говоров к современной цивилизации, как было и до сих пор, и не зависит от местной жизни диалектов.⁴ Близкое к этому решение предвидит и М. Гусн в одном возражении о возможности для разговорного языка приблизиться к литературному с поднятием народа на лестнице цивилизации. Ближайшему рас-

¹ Они послужили основным материалом для недавних работ Я. С. Виленчика: «Древне-арабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта» (ЗКВ, II, 1927, 249—256) и «Этюды по исторической фонетике вульгарно-арабских диалектов» (ДАН-В 1927, стр. 1—6 и 157—161).

² Zum arabischen Dialekt von Damascus. I. Phonetik-Prosatexte. Hannover, 1924.

³ Textes en dialecte de Damas (JA, vol. CCIV, 1924, 259—332) и Guide de l'interprète en Syrie, I—II. Damas-Paris, 1925.

⁴ Revue du Monde Musulman, vol. LVII, 1924, p. 4.

смотрению он этот взгляд, однако, не подвергает, указывая на отсутствие аналогичных примеров в истории языка (стр. 22, примеч.).

Такое расхождение исследователей показывает, что считать окончательным решением предлагаемый М. Гусном вывод нельзя. Та страстность, с которой арабская общественность рассматривает вопрос об отношении литературного языка к разговорному, показывает, что до мирного и спокойного решения, которое было бы признано более или менее единогласным, еще очень далеко. В полемике по поводу теории, выдвинутой М. Гусном, приняли участие с противной стороны такие видные деятели научно-педагогической работы в Сирии, как L. Cheikho и A. Salhani.¹ В выступлениях оппонентов было внесено не менее эмоционального элемента, чем в произведения самого М. Гусна. Вероятно и здесь вопрос будет окончательно решен не теоретическими построениями и полемикой, а самой жизнью, но вряд ли этого решения дождется даже следующее за нами поколение.

Евпатория, 25 июля 1927 г.

И. Крачковский.

39. Fehim Bajraktarević. La Lāmiyya d'Abū Kabīr al-Hudālī publiée avec le commentaire d'as-Sukkari, traduite et annotée par. — Paris 1923 (Extrait du Journal Asiatique, Juillet-Septembre 1923, pp. 59—115).

Научное востоковедение создало после войны некоторые новые центры в славянских странах. До двадцатых годов настоящего столетия самостоятельное и общепризнанное значение имела только русская школа; существующая довольно давно боснийская была мало известна и направляла свое внимание преимущественно на туркологию.² Польские и чешские ориенталисты были рассеяны по различным странам, часто за пределами своего отечества, и не представляли организованного единства; в Болгарии и Сербии востоковедение только изредка привлекало к себе внимание и не имело полномочных представителей. Понятно, что с переменой политических условий, в лучшем положении, чем до войны, оказались Польша и Чехо-Словакия. Орган польского востоковедения *Rocznik Orientalistyczny*, заложенный в самые трудные годы войны,³ насчитывает уже три тома; по недавно вышедшему третьему можно судить, насколько солидные силы ориенталистики сконцентрированы теперь в Польше. Создание польского востоковедного общества, ряд изданий Восточной Комиссии Краковской

¹ Ср. *ал-Маширик* XXIII, 1925, 131—143 и 161—176.

² Ср. ЗКВ, II, 1926, 97—108.

³ Первый том вышел двумя выпусками в 1914—1918 году.